

Впечатления от VI международной конференции «Мудрость души. Теория и практика юнгианской психотерапии»

(Москва, 14-16 октября 2011)

Как обычно и бывает в такого рода отчетах, я не претендую на всестороннее описание идей, озвученных на конференции, но ограничусь лишь собственным «прожектором» сознания, выхватывающим из действительно цельного ландшафта разные фрагменты и участки, привлечшие мое внимание.

Пятница, 14 октября 2011, день первый.

Конференция началась с доклада Джона Хилла^[1], посвященного Красной книге К.Г. Юнга. Он назывался «Новые иконы божественного: размышления о Красной книге Юнга». Хилл рассматривал иллюстрации в ней, как формуиконической живописи, подробно анализируя структуру и символизм изображений. Нам пока доступен только текст Красной книги, но в фотоальбоме УРААП, посвященной этой конференции можно посмотреть фотографии. Известно, что Юнг с недоверием относился к ортодоксальной иконографии, полагая, что образ Бога, запечатленный в иконе, ограничивается ею и теряет нуминозное. Поэтому, в контексте сообщения Джона Хилла обнаружить иконические элементы в творчестве Юнга довольно любопытно. Впрочем, «иконы» Красной книги — не для общего пользования и неразрывно связаны с ее уникальным текстом. Трансформационный дневник Юнга, в котором каждая строка отражает его персональные взаимодействия с нуминозным, теперь грозит превратиться в культурное и религиозное явление. И это, в самом деле, весьма возможно, учитывая религиозный голод современного человека. Джон Хилл отметил: «Вы всегда в регрессии, когда читаете Красную книгу». Встает вопрос о том, каким способом отделить нуминозное от образа, который живет как раз для того, чтобы это нуминозное выражать. Как взаимодействовать с этим образом, не превращаясь в фундаменталиста? С другой стороны, как сохранить живость и трансформационный потенциал образа, не усекая его «до всего лишь» психологического продукта? Должен быть найден этот срединный путь — между сердцем и головой...

Будучи аналитическими психологами, мы живем в русле юнговского откровения. Для нас его путешествие по ночному морю это пропуск на другую сторону, с возможностью возвращения в мир человеческих отношений с необычными дарами бессознательного. Для кого-то другого, как, например, для Винникотта, сумеречный опыт Юнга — лишь психотическая декомпенсация. В этом смысле, Хилл подчеркивает, что текст Красной книги написан человеком, сохранившим и Свидетеля, и способность критически осмысливать свой опыт. Также Хилл сделал попытку увидеть события, описанные в Красной книге через метафору ландшафта, проведя параллель с ирландской мифологией. Герой путешествует между разными островами, каждый из которых отражает какой-либо частный аспект. Например, остров смеха, остров женщин или остров белок — такой удачный образ мира комплексов. Путешествие героя от острова к острову как будто соединяет их незримой нитью в новую структуру. Подводя итог впечатлениям от этого непростого доклада, я снова вернусь к иконической живописи, образцы которой можно порой обнаружить в неожиданных местах. Я имею в виду наши «почеркушки» на полях — то фрагментарные и «готично-заостренные», то закругленные или подобные мандалам. Надо писать лекцию или доклад, а ты не можешь — ручка почти сама собой вычерчивает странные фигуры — и, кажется, нет дела важнее. «*Нуминозное где-то рядом*».

Вторым пятничным докладчиком был Бернард Сарториус^[2]. Его доклад назывался «*Икона и Коран: напряжение между словом и образом*». Прочитав названия двух первых докладов, Вы можете примерно предположить, какой инфляционный потенциал пришелся на первый день конференции. В том числе, это выражалось в постоянном нарушении временных границ. Это не воспринималось катастрофически, но я вполне могу представить «напряг» организаторов по этому поводу. Впрочем, как я понял, они положились на «спонтанный поток» и, в конце концов, все действительно самоорганизовалось. Где-то к воскресению. Но в пятницу

доклад Сарториуса показался мне бесконечным. Хотя это было очень интересное сообщение, возможно, самое интересное из того, что делал Сарториус на этой конференции^[3]. Собственно, до Корана и Иконы дело дошло лишь в самом конце. Первая часть лекции была отдана размышлениям о первичном слухе. Сарториус отметил, что слух у ребенка, находящегося в материнской утробе, возникает и функционирует прежде зрения, которое становится актуальным лишь при рождении. Внутриутробный слух – это психофизиологическая основа для переживания смысла. Звук окружает плод, успокаивает и требует. Это что-то родное, но, в то же время, непостижимое и пугающее. Это акустический образ Самости, который мы пытаемся выловить, «выслушать» в бытовой дескриптивной речи, но почти никогда в этом не преуспеваем. В этом отношении, первое Слово Бога – это совсем не язык в привычном смысле. В связи с этим, мне подумалось о роли сабвуфера в звуковом обрамлении музыкальной сцены. Невозможно локализовать низкочастотный излучатель – его глухое и глубокое «Буммм» звучит отовсюду и вокруг, помещая оглушенное регрессирующее сознание в плероматический мир материнской утробы. Аналогично можно отнести к звуку церковного колокола, который несет верующему весть о скором облегчении и обретении спасительного смысла.

Сарториус говорит и о первичном зрении, имея в виду то оптическое потрясение, которое испытывает сознание только что рожденного младенца от контакта с ослепительным потоком света, которым пронизан внешний мир. Это недолгий период, пока оптическая система настраивает порог сенсорного восприятия. Первичное зрение – это основа переживания реальности как таковой. В психотических эпизодах, которые порой сопровождаются галлюцинаторным ослепительным светом, сознание вновь воскрешает опыт первичного зрения. Сарториус делает любопытный проход к феномену переживания красоты, говоря, что она – только визуальный опыт. Ос-с-слепительная красота! Это также пробуждение первичного зрения, что автоматически отсылает сознание к своему первому появлению на свет. Увлечься красивой женщиной означает испытывать потребность в собственном обновлении, которое как квинтэссенция присутствует в моменте рождения? Потребность в обновлении, в свою очередь, компенсаторно подразумевает наличие ригидности в характере. И если нет изолированности, жесткости в эго-установках, то...женщина перестает быть красивой в мужском восприятии? По-моему, любопытный ход мысли! Мы помним, например, что именозакостеневший сенекс тяготеет к красивому, фертильному женскому образу...

В конце концов, пройдя через сказку братьев Grimm «Гном-тихогром», где я слегка потерялся в сюжетных перипетиях и толкованиях, Сарториус подошел к заглавным сущностям своего доклада. Он показал, что Коран основан на первичном слухе. Или иначе: Коран построен на акустике образа – звук произносимой молитвы звучит вокруг и внутри. Кто был в мусульманских государствах, знает этот странный эффект – голос муэдзина звучит отовсюду. Сарториус постарался показать на примере текста из Корана его ритмичность и особенное внутреннее звучание. В свою очередь, восприятие божественного посредством иконы основано на первичном зрении. Сарториус, на примере «Троицы» - самой знаменитой из икон, написанных Андреем Рублевым показывает какими выразительными средствами (обратная перспектива, цвет и формы) достигается эффект сборки пространства внутри зрителя. Постепенно он сам как будто становится абстрактным, не только обретая ощущение присутствия трансцендентного, но и фактически видя его (первичный свет). Я попытался повторить этот оптический эксперимент и надо признать – да, через некоторое время сознание децентрируется, а фокус внимания субъективно перемещается в область сердца. Становишься отрешенным и немного печальным. Интересные ощущения, хотя первичного света я не увидел. Должно быть, не дотерпел. В самом конце доклада у меня родилась мысль о том, что Коран, согласно Сарториусу, «круче» Иконы, поскольку первичный слух появился раньше, чем первичное зрение. Это, конечно, шутка, но и в своем субботнем сообщении «Ислам – новая жизнь в старом архетипе», он постарался показать ценность Корана как духовного инструмента. Мне кажется, что получилось не очень, поскольку в обратной связи зазвучали женские истории, в которых опыт соприкосновения с мусульманским миром отзывался в большей степени душевным страданием, нежели восхищением его духовной глубиной.

Следующим был доклад Станислава Раевского «Меланхолия и архетип конца света». Получилось емко и глубоко. Часть времени ушла на весьма длинный перечень дат,

обещающих несомненный Конец света. Их оказалось так много, что докладчику пришлось проматывать презентацию в ускоренном темпе^[4]. Часть времени была посвящена теоретическим конструктам, которыми обычно пользуются для описания меланхолии. Раевский постарался показать насколько эта тема является отвергаемой современной культурой. «Реклама – это такой антидепрессант, маскирующий меланхолию». Меланхолические мотивы компенсируют пуэрность, поспешность, суету и нацеленность насверхпродуктивность, которые свойственны нашему современнику. Конец света связан с образом покидающего отца или, в более широком контексте, смертью мужчины. В целях тематической амплификации Раевский привлек два фильма: «Меланхолию» Ларса фон Триера и «Жертвоприношение» Андрея Тарковского. В обоих фильмах образ конца света проходит красной нитью через весь сюжет. В первом случае, это происходит из-за столкновения Земли с чужой планетой; во втором – из-за атомной войны. Докладчик представил их как две разные модели обращения с меланхолией. И если модель фон Триера реализует тупиковый сюжет тотального уничтожения, то модель Тарковского дает надежду на исцеление, посредством «взаимодействия с энергиями матери-ведьмы». В финале фильма «Жертвоприношение» мальчик поливает сухое дерево и ложится у его корней, глядя в небо сквозь сухую крону. Камера медленно движется снизу вверх, и я во внезапной галлюцинации вижу, как зеленеют голые ветви. Это был очень нежный доклад. И он, как мне кажется, был посвящен мужчинам, чья доля в мире отвергаемой меланхолии и защитнонарциссима очень и очень непроста.

Предпоследним из пятничных докладов было выступление Валерия Лейбина «Психоанализ и аналитическая психология». Оно больше походило на лекцию «История психоаналитического движения» и было коротким. Мне не очень понравилась сопутствующая докладу эмоциональная интонация из серии «а я знаю про вас гадость», хотя, возможно, мне показалось.

Воркшоп «Внутреннее и внешнее пространство человека. Создание, поиск, исследование своего места в жизни» вели Первушина Татьяна и Прилуцкая Мария. Это была презентация большой одноименной программы, центральное место в которой занимает пространственная метафора. Это вообще одна из основных тем конференции. Так или иначе мы обсуждали феномен удержания или содержания сознания в чем-то большем, чем оно само. Будь то территория, вера или аналитические отношения.

День завершился Скайп-лекцией Джиннетт Пэрис^[5] «Воображение и медицина. Эволюция глубинной психологии». Очередная серьезная техническая инновация МААП, после дистанционного участия. Прямо зависть берет (в хорошем смысле)! И хотя контакт эпизодически прерывался – трансляция велась из горного района Канады, где связь оставляет желать лучшего – новизна все равно впечатляет. Джиннетт Пэрис много говорила о том, как меняется западная концепция психотерапии и какие подходы сейчас «в моде». Психотерапия должна быть краткосрочной, техничной и результативной. А объяснительные модели – физиологичными – завязанными на мозге и нейронах. Пэрис – ученица Джеймса Хиллмана, но, по правде говоря, производит впечатление когнитивного психолога из какого-нибудь американского университета. Все конструкты очень простые и, в самом деле, закорочены на мозговые процессы. Джиннетт активно использовала метафору «разбитого сердца», под которую попадают все случаи аффективных отвержений, а не только любовных неудач. Упрощенно ее подход можно выразить словами: «хватит хныкать, возьми себя в руки и попробуй посмотреть со стороны на свое страдание». Потому что, любое разбитое сердце – это толчок к индивидуации или эволюции. Пэрис обозначила три вида реакции на фрустрацию:

1. Рептилийная или мозг крокодила. Это рефлекс, схемы борьбы-бегства, которые переживаются субъектом как одержимость или состояние не-Я. Это реакции, которые мы не можем контролировать. Другими словами, важно признать Крокодила в себе и учить хорошим манерам.
2. Лимбическая или мозг млекопитающегося. Аффективные переживания, память о прошлых неудачах и разочарованиях, которые склонны воспроизводить себя по кругу. «Имплицитная память».
3. Неокортексная реакция или высшие функции мозга. Символическая инарративная функции. Боль используется для развития и построения новых связей, что подразумевает выход за

пределы лимбического страдания. Важно подобрать метафору, которая опишет опыт страдания в контексте нарратива и идентичности. Когда это удается в мозгу образуются новые нейронные связи. Для меня это образ «неотбираемого достижения».

Пэрис – оптимистка, которая видит множество параллелей между аналитической психологией и современными научными течениями, например, нейробиологией.

Завершая затянувшийся рассказ о первом дне конференции, хочу отметить, что он, как мне кажется, оказался наиболее продуктивным по части ассимиляции материала и эмоциональному послевкусию.

Суббота, 15 октября 2011, день второй.

Суббота началась с приятного сюрприза. Я говорю о воркшопе Юлии Кобзевой «Энергия Алкоголя. Мужчины и Женщины». Симпатичная, умная женщина, тепло и уважительно говорящая об алкоголе... Это одно из наиболее структурированных мероприятий конференции – времени хватило практически на все. Ведущая показала вроде бы банальные отношения с «Зеленым змием» как мистическую или психологическую практику. Она выделила четыре уровня взаимодействия с алкоголем, как с психопомпом. Каждый уровень подразумевает свою мистерию и психологическую динамику. Первый уровень дает разотождествление с Персоной, позволяя человеку освободиться из тисков социальных ожиданий. Второй – позволяет ощутить соматическое Я и ощутить свою укорененность в теле. Третий – выводит в аффективное поле скрытых конфликтов, заставляя человека встречаться с отвергнутыми комплексами. Четвертый – самый глубокий в плане мистериального погружения – помещает сознание в область отношений Я – Иной. Это выход в теневую зону и неосуществленное прежде желание встретится с собой. Поиск партнера внутри и снаружи. «Ты меня уважаешь?». Юлия говорила о том, как важно интуитивно понимать, к какому из уровней вы стремитесь, откручивая заветную пробочку. Теперь просто так и не выпьешь...

Второй замечательный воркшоп назывался «Еда. Соблазнение. Терапия». Его вела Наталья Павловская – стройная женщина в теплом, красивом платье, которое своими цветами словно продолжалось в корице, какао, куркуме, сахаре и других подобных продуктах щедро насыпанных в тарелочки, расставленные на столах. Под негромко излагаемую Натальей теорию, мы создавали дивные пищевые картины на бархатных листах. Зачудительное мероприятие, в котором действительно было все, обещанное в названии! Станислав Раевский назвал его «настоящим мужским воркшопом». Подписываюсь! Первый доклад субботы «Архетипическая психология и трансформация визуальности» был прочитан Львом Хегаем. В докладе прослеживается эволюция визуальных форм от самых ранних изображений до современных фото-образов. В эру фотошопа оптическому образу больше нельзя доверять. Эпоха подделок! Фотоизображение больше не соответствует оригиналу. Сейчас можно говорить о «технообразе», состоящем лишь из нулей и единичек. Другой – это только пиксели. Что же будет дальше? У Хегая много тематических отсылок к философам и тонких интеллектуальных провокаций. Всякий раз, слушая доклады Льва Хегая, с обилием иллюстраций и стремительной сменой планов, я ощущаю как зыбок мир современной культуры, да и мой собственный тоже — иногда хочется ощупать себя, избавляясь от нелепого беспокойства — «не распался ли и я на пиксели» в процессе техно-гуманистической оцифровки современных человеческих отношений.

Далее шел уже упомянутый ранее доклад Бернарда Сарториуса «Ислам – новая жизнь в старом архетипе». Его было как-то совсем непросто слушать, и большая часть доклада прошла мимо меня. О чем сожалею.

Доклад «Национализм и культурный комплекс: трансформация ирландской мифологии». Для меня, это сообщение в большей степени оказалось интересным в эмоциональном плане. Содержательная часть – глубокая и сложная – невольно отошла на второй план. Для Джона Хилла Ирландия – не просто объект исследования, но и по-настоящему любовный образ. Когда Джона спросили, почему он живет в Швейцарии, а не в Ирландии, он ответил, что иначе, не смог бы так любить ее. Мой давний друг-ирландец тоже любит Ирландию, но живет в совсем другой стране. В этом есть какая-то система – похоже, иногда родину можно любить лишь на расстоянии. Что, собственно, подтверждается историей русской эмиграции.

Хилл приводит один кельтский миф, в котором старый король посылает пятерых сыновей за живой водой. Ее источник сторожит старая ведьма, которая в качестве основного выдвигает требование переспать с ней. И только пятый сын соглашается на это. Тогда Старуха превращается в прекрасную девушку, объявляя: Я – Ирландия! Теперь все земли станут плодородными... Должно быть каждый подлинный сын Ирландии в глубине души страстно желает быть пятым сыном, несущим исцеление и трансформацию своей матери. Мессианский мотив большой красоты и силы. Я вспоминаю Криса де Бурга – еще одного ирландца – «рассказчика ярких историй, и харизматичного артиста», чье творчество пронизано сумасшедшей энергетикой ирландского этноса. На этом фоне, мотив исцеляющего совокупления в русском исполнении выглядит совсем не так грандиозно. Помните анекдот, где ведьма обещает молодцу «квартиру, машину и прочее», если он выполнит упомянутое выше требование? И чем все закончилось – «Такой большой, а в сказки веришь!» Но может быть это и к лучшему, поскольку одной из проблем акцентированной национальной мифологии, по мнению Джона Хилла, оказываются трудности в адаптации к нормам и ограничениям жизни общества и серьезные искажения гендерных ролей.

Заключительным мероприятием субботы была скайп-лекция Джиннетт Пэрис «Психотерапия кардионевроза». Основное время было отдано вопросам и ответам, имеющим отношение к предыдущему докладу. Техническая служба сделала усилие – и вот лицо Пэрис в полноэкранном режиме уже нависает над аудиторией. На большом проекционном экране лицо Джиннетт было метра полтора-два в диаметре. Такой «большой глаз», строго смотрящий прямо в душу. Возможно поэтому, когда связь в очередной раз прервалась, в зале вспыхнула живая и продуктивная дискуссия. Которая чем-то напоминала общение переживших стресс людей – такая смесь облегчения, уходящего раздражения и радости от осознания того, что вообще жив! Нуминозный «привкус» последнего субботнего доклада был логичным завершением всего этого непростого дня.

Воскресенье, 16 октября 2011, день третий.

День начался с супервизий. Я присутствовал в группе, которую вел Бернард Сарториус. Кейс был тяжелый, и было не совсем понятно, как Сарториус с ним управится. Но у него получилось, и даже плавающая на этой конференции временная рамка осталась на месте. Интересной была мысль о том, что психотический процесс не может уместиться в пространстве переноса-контрпереноса, не активизируя защиты у аналитика. И что иногда критически необходим третий объект, например, лист бумаги, куда будет помещена часть аффективных содержаний в виде рисунка или коллажа. И еще: «мы не сможем выдержать долгосрочную работу с пациентом, не привлекая собственный невроз».

Доклад «Сновидящий ум: как достичь игрового отношения к жизни» был прочитан Джоном Хиллом. Первая часть доклада была посвящена феномену игры и анализу ее возможностей как терапевтического инструмента. Ее главным свойством является способность приносить изменения в обособленные или конфликтующие области. Например, игра может творчески переработать известный нам антагонизм между всемогуществом, обусловленным грандиозной самостью и зависимостью от идеализированного другого. Хилл выделяет в пространстве своего кабинета «игровую зону», в которой возможны ролевые психодраматические взаимодействия, которые затем обсуждаются в «аналитической зоне». Поскольку время от времени я использую в своей работе аналогичный подход, мне было хорошо понятно, что имеет в виду Джон Хилл («Мы все знаем, терапевтическую силу воплощенного образа»). Во второй части он представил интересный кейс зависимого нарциссизма, в рамках которого клиент учился обозначать границы и говорить «нет» внутренним и внешним объектам.

После кофе-брейка Хилл провел воркшоп по работе со снами, который он начал словами: «я не совсем знаю, что такое юнгианское толкование сновидений». Затем он рассказал о своем пребывании в Монголии: «я не знал, как объяснить детям степей, в чем заключается моя работа и, в конце концов, сказал, что толкую сновидения. Это вызвало бурный интерес – каждый стремился рассказать свое сновидение». В похожей ипостаси Джон оказался и в Москве. Хотя условия упражнения были четко обозначены – рассказать клиентский сон, участники конференции словно не слышали этого, стремясь предъявить именно свое сновидение. Все это породило некоторый хаос, который успокоился ближе к концу воркшопа. Я

подумал, что, несмотря на всю нашу подготовку, в каких-то вещах мы остаемся наивными монголами. И, наверное, это неплохо, поскольку позволяет нам играть.

Второй воскресный доклад назывался «Кожные симптомы как метафора самопознания», прочитанный Татьяной Ребеко. Это было богатое на теоретические конструкты сообщение, и немного напоминало лекцию по психосоматике. Оно завершилось темой психологической реконструкции различных кожных заболеваний.

Последним воскресным рабочим мероприятием был воркшоп Елены Пуртовой и Юлии Казакевич «Пуп Земли. Исследование комплекса Родины», посвященный психологическому исследованию человеческого бытия в ландшафте. Как место, в котором мы жили или живем, создает наш характер и формирует специфическое «ландшафтное» мировоззрение. Человеческое сознание становится линзой, словно бы фокусирующей эманации родного места. Верно наоборот: ландшафт становится образом души. Как писал Гумилев: «этнос – это территория». К этому можно добавить: человеческая душа – тоже территория. Местами совершенно незнакомая.

VI конференция, вне всяких сомнений, удалась. Я увез домой много энергии, которую лишь отчасти потратил на написание этого отзыва. Пойду слушать ирландскую музыку...

18 октября 2011, Екатеринбург

^[1] Джон Хилл - доктор философии, обучающий аналитик и лектор Института К.Г.Юнга в Цюрихе, автор таких книг как «Кельтские мифы», «Сны», «Христианский мистицизм», «Чувство дома в мире: звуки и симметрия принадлежности»; в 90-е успешно провел семинар в Москве для МААП.

^[2] Бернард Сарториус - доктор теологии, протестантский пастор и юнгианский аналитик, член ISAP, имеет многочисленные статьи на тему символизма и религиозных различий между исламом и Западным миром.

^[3] Если, конечно, не рассматривать супервизии, которые были проведены в мягкой, бережливой, понимающей и ... очень учебной манере.

^[4] В Фотоальбоме УРААПП (Яндекс-фотки), посвященному этой конференции есть снимки некоторых частей этого списка.

^[5] Джинетт Пэрис – доктор философии, юнгианский аналитик, ученица Дж.Хиллмана, автор многочисленных книг: «Сердечный удар: новый подход к исцелению» (2011), «Мудрость психики: глубинная психология после наук о мозге» (2007), Языческая красота, Языческие медитации, Психология аборта. Преподает в Тихоокеанском институте Санта Барбары, Калифорния, а также выступает с лекциями и воркшопами в Канаде, США и Европе